

РАССЕЛ И «ТРАКТАТ» ВИТГЕНШТЕЙНА: ЗАБЫТЫЙ ДОЛГ

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, г. Новосибирск 630090, ул. Николаева, д. 8; e-mail: leitval@gmail.com

Логико-философский трактат Витгенштейна в значительной степени обязан ранней философии Рассела. Эта точка зрения демонстрируется в статье обращением к недавним исследованиям Г. Ландини *Подстановочной Теории* Рассела, а также оценками *Трактата* видными исследователями Л. Голдстейном, Я. Хинтиккой, Я. Хакингом. Скептический взгляд по поводу влияния *Трактата* и Витгенштейна лично на доктрины Венского кружка представлен А. Коффа. Статья предварена предложением отказаться от крайних суждений о *Трактате*, инициированных рассмотрением *Трактата* вне контекста *Principia Mathematica*.

Ключевые слова: Логико-философский трактат, Витгенштейн, Рассел, *Principia Mathematica*, Подстановочная Теория, логический атомизм

RUSSELL AND WITTGENSTEIN'S TRACTATUS: THE FORGOTTEN DEBT

Vitaly V. Tselishchev – DSc in Philosophy, Professor, Research Supervisor. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation; e-mail: leitval@gmail.com

The author argues that Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* owes much to Russell's early philosophy. This point of view is demonstrated in the article by referring to G. Landini's recent research on Russell's *Substitution Theory*, as well as by the evaluations of the *Tractatus* of the prominent researchers: L. Goldstein, J. Hintikka, and J. Hacking. A skeptical view on the influence of the *Tractatus* and Wittgenstein personally on the doctrines of the Vienna Circle is presented by A. Koffa. The author proposes to reject extreme judgments about the *Tractatus* outside the context of *Principia Mathematica*.

Keywords: *Tractatus Logico-Philosophicus*, Wittgenstein, Russell, *Principia Mathematica*, substitution theory, logical atomism

Иницировавший дискуссию очерк Никифорова не позволяет заключить о его мнении о *Трактате*, несмотря на эпитеты «бедный и плоский», «философское и логическое содержание ничтожно» и пр., поскольку он тут же оговаривается, что есть «в *Логико-философском трактате* какое-то обаяние, и я могу понять людей, влюбленных в это произведение». Больше того, он признает, что его прямой оппонент Зинаида Александровна [Сокулер] является не только поклонником Витгенштейна, но и признанным исследователем его творчества», что должно быть определенного рода смягчением его оценок. С моей точки зрения, не очень уместно обсуждать *Трактат* в терминах дихотомии «Не все то золото, что блестит» (Никифоров) и «Мал золотник, да дорог» (Сокулер). В любом случае, не очень удачной



является оценка Никифоровым *Трактата* с точки зрения достижений в логике: «Вклад Витгенштейна в развитие логики несопоставим с достижениями К.И. Льюиса, А. Гейтинга, А. Тарского, Я. Лукасевича, К. Айдукевича». Боюсь, что здесь путается философия логики с разработкой логических исчислений, особенно в контексте размышлений о природе логики. Часто повторявшееся Витгенштейном восклицание Рассела «Логика – это ад!» дает хорошее представление о трудностях этой проблематики. Конечно же, мотивация как самого Рассела, так и Витгенштейна в этих исследованиях скорее была философской, нежели математической. Эта точка зрения все более утверждается в текущей литературе, и одно из признаний такого рода принадлежит самому А. Тарскому. Любопытным свидетельством в этом отношении была лекция, которую А. Тарский прочел в Новосибирском государственном университете (где присутствовал автор данной заметки) «Что такое логическое понятие», где он прямо сказал, что в понимании развития логики и оснований математики те, кто заинтересован в философии, предпочитают *Principia Mathematica*, а те, кого интересует математика, предпочитают исчисления и аксиоматику Цермело. В этой связи уместно напомнить, что многое в *Трактате* связано именно с проблематикой *Principia* и философией Рассела (либо в виде заимствований, либо критики), о чем забывает или попросту не знает значительное число интерпретаторов и комментаторов *Трактата*. Так что упоминание о вольных экзерсисах В. Руднева на предмет *Трактата* в высшей степени нерелевантно для серьезного обсуждения этого произведения.

Очерк Никифорова имеет две части (не полностью разделенные), одна из которых касается общей оценки *Трактата* (в основном негативной и довольно резкой), а другая – влияния *Трактата* на Венский кружок и философию логического эмпиризма вообще. Вообще-то, это две отдельные истории, и достоинства и недостатки *Трактата* не следует увязывать с популярными и упрощенческими версиями взаимоотношений Витгенштейна с венскими философами (в оценке такого характера этих версий Никифоров прав). При отрицании достоинств *Трактата* самого по себе нужно отдавать себе отчет в том, что при этом тянется шлейф пренебрежения к другим мыслителям, поскольку *Трактат* полон заимствований и неявных аллюзий к их философии. В этом отношении проделана значительная работа Л. Голдстейном, чьи очерки высветили, хотя и в ироническом стиле, эту не совсем приятную почитателям Витгенштейна сторону *Трактата* [Голдстейн, 2015а]. В частности, речь идет о происхождении идей *Трактата*, некоторые из которых заимствованы у Б. Больцано. На этот счет у Витгенштейна была своя «лицензия» на такого рода вещи. В предисловии к *Трактату* он говорит: «Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мною не претендует на новизну»



деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я» [Витгенштейн, 1958].

Вердикт о самостоятельности Витгенштейна в *Трактате* хорошо передан тем же Голдстейном: «...на раннем этапе Витгенштейн был вторичным мыслителем, [так что] признание, сделанное им относительно отсутствия собственной оригинальности, было хорошо обосновано. Трактат – важная работа, но этот плод семян, посеянных в душе Витгенштейна Расселом, Фреге и многими другими» [Голдстейн, 2015b].

Еще более резко по этому поводу высказался Я. Хинтикка в своей элегантной книжке «О Витгенштейне». Глава 3 этой книги имеет характерное название «Мысли Рассела под названием *Логико-философский трактат*» [Хинтикка, 2013]. В ней, после перечисления пунктов Трактата, начиная от знаменитого «1. Мир есть все, что имеет место» до «3. Логический образ фактов есть мысль», с ключевым «2.061. Атомарные факты независимы друг от друга», говорится следующее: «...скептически настроенный читатель тут же спросит: ‘Откуда Витгенштейн знает все это? Откуда взялись эти размашистые тезисы?’ Например, откуда Витгенштейн знает, что структура мира состоит из неанализируемых объектов, соединенных в атомарные факты?» [Там же, с. 27]. Ответ на эти вопросы также очень характерен: «Ясно, что прецедентом структуры мира в *Трактате* является мир, который может быть подвержен анализу до простых объектов. Только мыслитель, стоящий на плечах Рассела, – или скорее, на плечах расселовской теории знакомства – мог быть настолько нахальным, чтобы выдвинуть теорию, которую мы находим в *Трактате*, без всякого подкрепления или аргументации. *Трактат* Витгенштейна, если прибегнуть к самому простому определению, есть вариант расселовской теории знакомства» [Там же, с. 29].

Так что при броских отзывах о качествах *Трактата* нужно быть достаточно осторожным, дабы не впасть в огульную критику тех мыслителей, чьими плодами Витгенштейн воспользовался при его написании. Следует, правда, согласиться с Никифоровым в том, что репутация *Трактата* была раздута, но разными людьми, исходя из разных соображений. Одним из них является почти хрестоматийное представление о том, что в период интенсивных дискуссий между Расселом и Витгенштейном последний, будучи поначалу учеником, перехватил инициативу и стал ведущим в этом творческом дуэте в момент созревания идей *Трактата*. На этот счет есть признания самого Рассела, злостная история с обруганной Витгенштейном неопубликованной рукописью расселовской «Теории познания», уход Рассела из логики и т.д.

Это эпизод является любопытной иллюстрацией рождения мифологии в истории аналитической философии. Г. Ландини, автор



нескольких книг о творчестве Б. Рассела, на основании «раскопок» в архиве Рассела в университете МакМастер, сумел показать, что ситуация была полностью обратной: именно Витгенштейн был ведомым, что нашло отражение в названии книги: «Ученичество Витгенштейна у Рассела». Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не о психологии отношений двух мыслителей, а о соотношении идей, нашедших отражение в *Трактате*, с идеями расселовской тогдашней философии. Тут лучше предоставить слово самому Г. Ландини: «*Логико-философский трактат* Витгенштейна породил множество интерпретаций со времени его публикации в 1921 г. С временем обнаружился некоторый консенсус в отношении критики, содержащейся в *Трактате*, направленной против ранней философии Рассела. Оспаривание этого консенсуса является предметом этой книги. Неопубликованные рукописи Рассела привели к революции в понимании его философии. Рукописи раскрывают, что консенсус в отношении критики *Трактатом*, характеризует позицию Рассела, которой он попросту не занимал. Новое прочтение Рассела требует нового прочтения Витгенштейна. Расселовский логический атоизм не есть соединение эмпиризма с логикой разветвленной теории типов и типовой стратификацией сущностей (пропозициональных функций), соединение, основанное на принципе знакомства с sense-data. Логический атоизм есть исследовательская программа для разрешения философских проблем путем использования структурной переменной – онтологически простой структурный реализм. Витгенштейн трансформировал структурную переменную в свою *Доктриной Показывания*. Книга идентифицирует *Grundgedanke* (фундаментальную идею) с *Показыванием* и говорит, что Рассел и его ученик Витгенштейн были союзниками в исследовательской программе, которая делала логический анализ и реконструкцию сущностью философии» [Landini, 2007].

Другими словами, при оценке *Трактата* стоит помнить о том, что *Трактат* имел дело с важными проблемами, технический характер которых почти полностью упускается в множестве его интерпретаций. Так называемая Подстановочная Теория Рассела, ставшая предметом обсуждения в последние три десятка лет, была альтернативой Разветвленной Теории Типов, которая легла в основание *Principia Mathematica*. Причины драматического отказа Рассела от *Подстановочной Теории* в пользу ее альтернативы изложены в другой книге Ландини и не касаются нас здесь. Важно понимать, что критика Витгенштейном Рассела относилась к разветвленной теории типов, неудовлетворительный характер которой Рассел осознавал лучше других. И уже философской, если не сказать, метафизической ипостасью Подстановочной теории была концепция *Показывания* Витгенштейна.

Понимание некоторых размышлений Витгенштейна в *Трактате*, как оказалось, неизбежно связано с идеями Рассела, в частности, с той



самой его *Теорией познания* [Russell, 1992], которую критиковал Витгенштейн. В самом деле, как пишет Я. Хакинг, «в [Трактате] есть пассажи, которые не имели никакого смысла для серьезного читателя до 1984 года, пока не была опубликована брошенная *Теория Познания* Рассела... Рукопись 1913 года имеет смысл для некоторых частей *Трактата*... Рассел в 1914 году, собираясь отправиться на восточное побережье США читать лекции по логике, уединился на неделю с Витгенштейном и машинисткой-стенографисткой, чтобы извлечь новые идеи Витгенштейна и получить от того критические замечания. В конце концов оба участника, не замеченные за недостатком выносливости, были истощены; любителям мелочей очень хотелось бы знать, что обо всем этом думала секретарь» [Hacking, 1997].

Знаменитый пассаж из Трактата 5.6 «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн, 19586, с. 80] получает некоторое объяснение как раз в контексте расселовской рукописи: «Кстати говоря: в 1913 году именно Рассел написал о “тюрьме опыта”. Это совершенно солипсистская идея, суть которой в том, что мы должны доказывать наш путь от нашего собственного непосредственного сознания к существованию чего-либо другого. Не может ли быть так, что предложения Витгенштейна, пронумерованные от 5,5 до 5,6, относятся к рукописи 1913 года, и что солипсизм входит в пассажи от 5,6 до 5,641 только потому, что книга Рассела говорит, хотя и кратко, о необходимости бежать из тюрьмы опыта?» [Hacking, 1997].

Далее, нужно также учитывать то обстоятельство, что интерпретации *Трактата* сместились со временем от технических вопросов о природе логики к более «философским» проблемам, что явилось результатом утраты контекста. Попытки Рассела «переписать» некоторые вещи во втором издании *Principia Mathematica* в духе витгенштейновской критики не получили одобрения у заинтересованных лиц и были встречены чуть ли не враждебно соавтором А.Н. Уайтхедом. К моменту встречи Витгенштейна с Венским кружком повестка дня была совсем другой, а с ней на первый план вышли другие аспекты *Трактата*. Для Венского кружка чуть ли главным в *Трактате* был его антиметафизический характер, в то время как Рассел обратил внимание на мистицизм Витгенштейна. Ясно, что при таком подходе каждый брал из Витгенштейна то, что было созвучно с соответствующим временем. В какой степени тут можно говорить о «первозданной» идее Трактата, трудно даже догадываться, хотя именно такого рода догадки стали со временем целой индустрией.

Наконец, при обсуждении *Трактата* зачастую не принимается во внимание «переходный» период в философии Витгенштейна, период отхода от идей *Трактата*. Особо это относится к вопросу о влиянии *Трактата* на Венский кружок. А. Коффа так говорит об этом: «Трудно оценить соотношение доктрин *Трактата* и доктрин, которые Витгенштейн объяснял дружественно настроенным



позитивистам в конце 1920-х гг. Формат заседаний с его участием... не был особо подходящим для исследования того, в какой степени то, что говорил тогда Витгенштейн, способствовало прояснению его линии в *Трактате* или же противоречило ей. Однако нет никаких сомнений, что его взгляды на фундаментальные проблемы в этот период быстро менялись» [Коффа, 2019, с. 326]. Этот пассаж сопровождается у Коффа еще более любопытной сноской: «Бесчисленное множество британских друзей Витгенштейна предполагало, что всякий раз, когда позитивисты приписывали взгляд Витгенштейну, обычно это было следствием непонимания *Трактата*. Совершенно независимо от того факта, что никто серьезно не мог претендовать на ясное понимание, что *Трактат* говорит о чем-либо, есть еще дополнительный относящийся к делу факт, что позитивисты говорили с Витгенштейном целые годы, начиная с 1927 г., и следовательно, можно предположить, что когда он излагал эти самые свои взгляды, то они относились к тому времени, а не к взглядам декадой ранее» [Там же, сноска 4].

Что касается влияния как *Трактата*, так и лично Витгенштейна, на доктрины Венского кружка, с моей точки зрения лучше всего проявляется в период, когда как сам Витгенштейн, так и ведущий представитель Кружка Р. Карнап предприняли новые шаги в своей философской эволюции. В переходный период для обоих мыслителей важное место занимала проблема соотношения синтаксиса и семантики. *Трактат* является выражением «одно-мирового» взгляда, согласно которому семантика невозможна [Hintikka, 1997]. Некоторые исследователи полагают, что доктрина *Показывания* есть какого-то рода попытка «прорыва» Витгенштейна к семантике. Однако Витгенштейн ушел от этой проблематики, отказавшись от идеального языка *Трактата* в пользу естественного языка, в то время как, например, Карнап переходит от синтаксиса к семантике [Carnap, 2014]. Такое радикальное расхождение взглядов вряд ли склоняет к заключению о каком-то родстве или влиянии даже их исходных взглядов. Об этой стороне отношений язвительную реплику отпускает А. Коффа: «Шлик пригласил Витгенштейна на заседания Венского кружка, дабы обсудить с коллегами *Трактат*. Это было похоже на приглашение Христа обсудить Священное Писание в Вольтером... В продолжительной борьбе деревенского атеиста и деревенского священника, которая занимала так много места в немецком популярном философствовании, Витгенштейн, как показалось позитивистам, недвусмысленно находился на стороне первого. Мало же они знали о нем: ведь он приходил в ужас от безбожного материализма деревенского атеизма» [Коффа, 2019, с. 325].



Список литературы

Витгенштейн, 1958 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 132 с.

Голдстейн, 2015а – *Голдстейн Л.* Экзамен Витгенштейна на PhD: воссоздание события (перевод В.В. Целищева) // Витгенштейн Людвиг – Дневники 1914–1916 – Ранний Витгенштейн: материалы к Логико-философскому трактату / Пер. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2015. С. 344–359.

Голдстейн, 2015б – *Голдстейн Л.* В какой степени оригинален Логико-философский трактат? // Витгенштейн Людвиг – Дневники 1914–1916 – Ранний Витгенштейн: материалы к Логико-философскому трактату / Пер. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2015. С. 360–397.

Коффа, 2019 – *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2019. 526 с.

Хинтикка, 2013 – *Хинтикка Я.* О Витгенштейне / Пер. В.В. Целищева под ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2013. 271 с.

Carnap, 2014 – *Carnap R.* The Logical Syntax of Language. L.: Routledge, 2014. 370 pp.

Hacking, 1987 – *Hacking I.* Solipsism. Review of D. Pears' 'The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy', vol. 1, Oxford, 1987: T. Bernhard's 'Wittgenstein's Nephew', Quartet, 1987 // London Review of Books, 4 February 1988.

Hintikka, 1997 – *Hintikka J.* Lingua Universalis vs Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1997. 221 pp.

Landini, 2007 – *Landini G.* Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 300 pp.

Russell, 1992 – *Russell B.* Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript. L.: Routledge, 1992. 197 pp.

References

Carnap, R. *The Logical Syntax of Language*. London: Routledge, 2014, 370 pp.

Coffa, A.; V.V. Tselishchev (trans.) *Semanticheskaja traditsija ot Kanta do Karnapa* [The Semantic Tradition from Kant to Carnap]. Moscow: Kanon+, 2019, 526 pp. (In Russian)

Goldstein, L.; V.V. Tselishchev (trans.) "Ekzamen Vitgenshteina na stepen' PhD" [Wittgenstein's PhD exam], in: Wittgenstein, L.; V.A. Surovtsev (trans.) *Dnevnik 1914–1916* [Tagebücher 1914–1916]. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 344–359. (In Russian)

Goldstein, L.; V.A. Surovtsev. "V kakoi stepeni jriginalen logiko-filosofskii traktat?" [How Original a Work is the *Tractatus Logico-Philosophicus*], in: Wittgenstein, L. V.A. Surovtsev (trans.) *Dnevnik 1914–1916* [Tagebücher 1914–1916]. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 360–397. (In Russian)



Hacking, I. "Solipsism. Review of D. Pears' 'The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy', vol. 1, Oxford, 1987: T. Bernhard's 'Wittgenstein's Nephew', Quartet, 1987", *London Review of Books*, 4 February 1988.

Hintikka, J. *Lingua Universalis vs Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy*. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1997, 221 pp.

Hintikka, J.; V.A. Surovtsev & V.V. Tselishchev (trans.) *O Vitgensteine* [On Wittgenstein]. Moscow: Kanon +, 2013, 271 pp. (In Russian)

Landini, G. *Wittgenstein's Apprenticeship with Russell*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 300 pp.

Russell, B. *Theory of Knowledge: The 1913 Manuscript*. London: Routledge, 1992, 197 pp.

Wittgenstein, L.; I. Dobrinravov, D. Lahuti (trans.). *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1958, 132 pp. (In Russian)